

ПАМЯТНЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Начало 2005 года... Пытаюсь рассказать о войне, в которой я принимал участие...

Когда началась война, в действующую армию 1924-го года рождения не брали, поэтому 26–28 июня 1941 года нас, московских студентов, школьников старших классов и учащихся техникумов, направили рыть окопы по берегу реки Десны в районе Екимовичей, чтобы немецкие танки не могли проскочить ходом через эту речку. После этого я работал на оборонном заводе – точил разные детали для самолетов. Потом 16 октября была знаменитая паника, наш завод эвакуировали, а меня оставили в Москве. Потом мне пришлось сопроводить бабушку с дедушкой в город Пермь (тогда Молотов). Пермь – старинный русский город, город-завод, где ковали разнообразное оружие. Там я работал тоже на оборонном предприятии, в литейном цеху, «земледелке» – бросал земельку в полуавтоматы (8 контейнеров), а там стояли женщины и штамповали кольца для авиационных моторов. В общем, что могли, как могли, мы помогали фронту. Это было святое дело, которое не вызывало ни сомнений, ни нареканий: надо – значит, мы готовы это делать.

Потом я попал в военное училище. Где-то в конце марта 1942 года мы вышли из ворот училища строем во главе с начальником училища, с развернутым знаменем, с ассистентами, оркестром, и наша колонна пошла в сторону вокзала по центральной улице. Шли хорошо, помня, что «рука идет вперед – до пряжки, назад – до отказа», оттягивали носок, в общем шли так, что за нас не было стыдно. А получилась такая история. Мы закончили курс училища, должны были сдать экзамены, после чего нам должны были присвоить звания, но этого не случилось, и нас без присвоения званий отправляли на фронт. Очевидно так было надо – в армии объяснений не дают. И вот мы идем по улице Ленина в сторону вокзала, по обе стороны улицы стоят люди, многие утирают платочками слезы, но все слезы были еще впереди – на самой погрузочной площадке. Так как я был не местный, а эвакуированный – у меня в этом городе были дедушка и бабушка, но из-за своей немоги проводить они меня, конечно, не могли, и мне накануне дали увольнительную, чтобы побыть с ними пару часов. Пришли на погрузочную площадку. Командир училища сказал несколько прочувственных слов, и родственники разобрали своих сыновей, своих братьев, везде были слезы. А я и такие же, как я, которых никто не провожал, чтобы не смотреть на все эти рыдания, затесались в подразделение obsługi, стали разносить уголь по теплушкам, дровишки – в общем стали заниматься хозработами перед отправкой. Но в какой-то момент все закончилось, все разбежались по своим вагонам. Вагоны товарные, в них были устроены нары и стояла печурка. И поезд тронулся под звуки оркестра.

И вот мы едем. Ехали долго, вначале по Южному Уралу, потом в районе Волги, в общем поезд идет к югу. Там более богатые края, чем на Урале, поэтому на остановках можно чего-нибудь купить поесть. После долгих дней езды вдруг подарок – оказываемся под Рижским мостом в Москве. Это дает мне возможность увидеться с мамой, со своими приятелями, кто оказался в этот момент в Москве. После стоянки в Москве последний рывок – и разгружаемся на разбитом вокзале в городе Ельце. Разгрузились, построились и – шагом марш! Там около вокзала мостик, река Сосна, и куда-то нас ведут за 15 км в село Казаки. Разводят по избам. Хозяйка нашей хаты говорит: «Что, ребята, устали, наверно? Вот ложитесь, лезьте на печку, там тепло». Мы сапоги сняли, портянки пристроили сушиться, залезли на печку и заснули. Просыпаемся к вечеру. Пришел хозяин – инвалид, без ноги. Хозяйка сварила большой чугунок картошки. У нас из съестного нет ничего абсолютно. Приглашают нас к столу. И мы с таким аппетитом поели картошечки с солью. На следующий день – смотр. Нам ведь ничего не объясняют. Маршируем перед каким-то полковником. Нас хвалят за то, что хорошо маршировали. Дальше строй

ломается, и нас разводят по разным местам. Я попал в какое-то село, где еще есть жители. Появляется у нас какой-то лейтенант, выписанный из госпиталя, и сообщает, что эшелон с продовольствием где-то там отстал. Поэтому дают нам утром и вечером по полсухаря и водицу, которую называют чаем. «Идите по дворам, по бабам, – где что приколотите, где что подправите – авось и покормят». Так мы и пошли. Я не знаю, много ли мы там «приколотили-отколотили», но люди все-таки не злые, добрые. Потому что у этих женщин мужиков тоже нет – они все на фронте. А питаются они в основном картошкой, перезимовавшей в земле, которую выкапывают, промывают как-то, протирают и готовят блинчики, которые жарят на машинном масле. Пока они теплые, то я не знаю ничего более вкусного, но как только эти блинчики остывают, они становятся синими, твердыми, и есть их становится так же трудно, как есть опилки... Очень скоро начинается у нас «куриная слепота» – как говорят, от недостатка витаминов. Люди перестают видеть. Если ты видишь, то идешь впереди отряда, а за тобой двадцать человек цепляется. И вот такими цепочками и бредем. Передвигаемся каждую ночь на новое место. Приходим где-то к рассвету, окапываемся и ложимся спать. Хорошо, когда нет дождя. Когда идет дождь, все становится совсем грустно, но что поделаешь – война! И вот так – из ночи в ночь. Зачем мы все это делаем, нам неизвестно. Начальству виднее. Потом потихоньку стали иногда выдавать нам продукты – макароны. Их во время марша по макаронинке схрумкаешь – а на рассвете и варить-то уже нечего. Потом, наверное, подошел эшелон, появилась кухня, и стали все-таки какую-то кашу, какой-то супок давать. А супок, значит, стали давать таким образом, что заменили крупу крапивой, поэтому суп стал совсем тусклый. Мы немножко подкормились, появилось «ожирение». А тут уже началась вроде как степь, прорезанная оврагами. И вот по краям оврагов зацвела в громадном обилии земляника. Ну вот и бог на помощь – земляничкой стали лакомиться. Стало получше. Наконец, дошли мы до какой-то деревни, где уже не было жителей, от деревни одни трубы торчат. И где-то очень недалеко кончалась железная дорога – это станция «Верховье», которую изредка бомбили. Таким образом мы провели время до 11 июля. 5-го числа шли большие бои в районе Белгорода–Курска, но мы об этом не знали. С 10 на 11 июля нас вывели на передовую, которая проходила по реке Зуши. Река огибала там горку, довольно высокую. Тогда мы не знали, а после войны я узнал, что она называлась Красная Горка, прямо напротив города Новосилья. Когда мы прибыли на передовую, было прекрасное летнее утро, солнце только еще вставало, небо становилось голубым, и вокруг Красной Горки вдоль реки Зуши вплотную друг к другу через метра 2-3 стояли «Катюши». Зрелище было очень внушительное. И вот началась артподготовка. Прилетели самолеты, пошли танки, а за танками пошли мы... Там немецкая оборона стояла с 1941-го года, поэтому позиции немцы укрепили очень здорово. Несмотря на мощную артподготовку, подниматься в атаку на высоту было очень сложно, потому что немцы достаточно искусно пользовались отсечным огнем, т.е. они пропускали танк вперед, а пехоту отсекали пулеметом или минометом. Поэтому на высоту мы вышли уже на закате солнца. Наверху была какая-то деревня, и появилась кухня. К кухне пришло несколько десятков человек. И нам, уцелевшим и пришедшим к кухне, досталось по два кружка «Краковской» колбасы и по чарке водки. Перед наступлением мы свои шинели оставили у старшины, но так как у нас опыта не было, то мы оставили у него и котелки и даже ложки умудрились оставить. Таким образом, кроме оружия и патронов, у нас с собой ничего не было. Поэтому когда «приехала» каша, ее некуда было сыпать. Но кто-то нашел обрывок плащ-палатки, положили кашу на него и прекрасно поели руками. Но в следующий раз ни котелок, ни ложку мы от себя никуда не отпускали, как впрочем и «шинелку» тоже.

Так вот, после того как мы взяли эту высоту, начался наш многодневный многотрудный путь к Орлу. Там от того места, где была оборона, до Орла километров 60–70. Мы шли с 11 июля по 5 августа до Орла непрерывно с боями, потому что против нас была небольшая подвижная группа немцев. Мы их оттесняли к Орлу, но мы были пехотной частью, а они были моторизованной группой. Поэтому они держали оборону

какое-то время, потом ночью или на рассвете по какому-то своему плану быстро откатывались на 10–15 км назад, и на выбранном месте строили свою оборону. Нам было очень тяжело за ними гоняться, потому что они всегда занимали господствующее положение, и прорваться сквозь них никак не получалось. Мы были обескровлены на высоте, которую перед этим взяли, а подкрепления мы никакого не имели. И так это продолжалось до 5 августа, когда, обойдя Орел, вышли мы к реке Орлику. Там находился немецкий аэродром. Перейдя реку, мы остановились на окраине Орла. Немцев здесь уже не было, нас никто не контратаковал. Появился командир полка, нас построили и оказалось, что в нашей роте было около 15 бойцов. Командир полка сказал нам много хороших слов, отметил, что представляет нас всех к награде, и поехал дальше. Мы сутки передохнули на окраине Орла, и местные мальчишки прибежали к нам и приносили яблок – там вокруг было много садов. И пошли мы по грунтовой шоссейке, как нам сказали, в направлении крупного железнодорожного узла «Жуковка». Но в «Жуковку» мы не попали, а попали в брянский лес. Вышли мы к брянскому лесу, прошли его насквозь и вышли на опушку против города Трубчевска, который нам предстояло взять. Я к тому времени был командиром отделения, в моем отделении пополнение было все из «кишлачных» ребят, я не знаю, это были узбеки или таджики, многие из них по-русски «не волокли». По ходу дела, сколько мог, я их обучал. Главным в обучении было объяснить, чтобы никто из них лопатку не бросал, так как для того чтобы защитить себя и сохранить себе жизнь, необходимо, чтобы палатка и лопатка были под руками. А так как они были люди сельские, то очень быстро научились мгновенно окапываться.

Хорошее, ясное утро. Мы окопались, у каждого свой окопчик. Ребята мои пришли к моему окопу, мы послали двух человек с нашими котелками за кашей. А ситуация такая: мы в низине находимся на опушке леса, а дальше высокий глиняный берег со стороны Трубчевска. А там, очевидно, немцы прекрасно окопались и наблюдают, что у нас тут происходит. Пока ходили, «чесали в затылке»: где инженер полка, где достать пилы-топоры, чтобы плоты сделать и переправиться через эту речку, немцы накрыли нас минометным огнем. Вот тут меня ранило. Я только почувствовал удар – и все... Смотрю – нога вся в крови. Ребята подхватили меня под мышки и уволокли в лес, там был медсанбат. В медсанбате доктором была жена нашего командира полка. Там меня перевязали и сказали, что как только придет машина, меня отправят в госпиталь. Пришел командир полка, а он меня знал (еще перед наступлением я был посыльным от своей роты). Он опять мне сказал много хороших слов, опять про какие-то награды. Пришла машина, и меня с другими ранеными отправили в полевой госпиталь. Полевой госпиталь – это просто около леска были разбиты 20-местные палатки, и вот там меня разрезали (я этого ничего не помню и не ничего слышал), но через день температура подскочила до 39°, и я был в полубредовом состоянии. А там нас было не то 8, не то 10 человек, и ухаживала за нами сестричка – совсем девчонка – хорошая деваха, со всем хорошо управлялась, даже успевала еще сбегать накопать картошечки и приготовить из нее что-то, потому что и в госпитале кормили нас плохо. Потом сквозь дрему слышу, как сестричка говорит, что, мол, не горюй – приехала рентгеновская машина, сейчас посмотрят, что у тебя. И входят какие-то люди, и показывают на меня – вот он, его прооперировали, вынули сколько-то осколков, но все равно температура высокая и все такое прочее... И слышу, как чей-то голос говорит: «А там ли вы резали?» Дальше какое-то бормотание и: «Ладно, все, несите в операционную». А в операционной уже стоял рентгеновский аппарат. И когда меня положили, слышу: «Ну вот видите, я же говорил, что не там резали». Общего наркоза не было, сделали местное обезболивание, и уже другой хирург, тот, который приехал вместе с рентгеновской машиной, сделал надрез под коленом и что-то выдернули. Я почувствовал мгновенную боль, но все прошло. «Ну вот и все», – сказал доктор. И действительно, после этого температура упала. А дня через три мне на перевязке хирург говорит: «Вот посмотрите, тот осколок, который был у вас в ноге». Это был такой прямоугольничек, примерно сантиметра 1.5 в длину, около 1 см в высоту и меньше сантиметра в ширину,

обмытый кровью осколок мины. Я попросил: «Дайте мне его, доктор». «Нет, это мой сувенир», – ну что на это скажешь – его сувенир. После этого у меня температура упала, стало как-то легче, и повезли меня в Орел, в госпиталь, который был оборудован в конюшнях. Госпиталь был большой, нас расположили «по стойлам», но там было очень хорошее обслуживание: «утка» ли нужна была или что-то другое – все приносили беспрекословно. Я там пробыл какое-то время, потом нас на носилках понесли на орловский вокзал. Поскольку вокзал был разбит, то на платформах настелили солому, где и разложили нас. Подошел «товарняк», нас занесли в товарный вагон и через час-полтора разгрузили в Ефремове. Госпиталь там был расположен в бывшем комбинате синтетического каучука «Искатель». Про этот госпиталь вспоминать не хочется, потому что это было издевательство, а не госпиталь. Мне сказали, что у меня дело серьезное, что у меня еще много осталось осколков и остатков материи от штанов. Сказали, что здесь сделать ничего не могут и что отправят меня в Москву. И так оказался я в Москве, в госпитале на Большой Черкизовской, в здании школы. Впоследствии несколько раз я пытался найти это здание, хотелось посмотреть, где лежал в госпитале, но так его и не нашел. В этом госпитале я пробыл достаточно долго, так как никак не заживала рана, появился свищ. А осколки выходили из ноги еще и через 20 лет после войны. Вышел я из госпиталя где-то в начале весны 1943 года, попал на московскую пересылку, откуда отправили меня в Горький, в Канавино в 10-й учебный танковый полк.

В 10-м полку готовили экипажи для танков Т-34 – механиков, заряжающих артиллеристов. Я подумал: какая мне разница, кем быть – механиком или заряжающим? – чем проще, тем лучше. И попросился в батальон, где готовили заряжающих. Учеба была нехитрая, хотелось, чтобы поскорее она закончилась, потому что вдруг война кончится, а ты так и останешься в этих болотах, на которых были расположены землянки 10-го УТП. Но на войне все делается не торопясь. Наступил наконец-то тот самый момент, когда мы закончили учебу, сдали экзамены. Мне присвоили звание сержанта танковых войск и направили в Малую Болохну – это недалеко от Канавино. Там стоял 3-й маршевый танковый полк. Но там обстановка была уже совершенно другая – какой-то полный хаос: землянки были маленькие, с клопами и блохами. Кормили очень плохо – мы постоянно были голодные. Поэтому, так как мы уже были разбиты на экипажи, после поверки мы одевались и тихонько уходили из расположения части в надежде что-нибудь добыть: подкопать в каком-нибудь огороде картошечки, да и вообще не брезговали всем, что плохо лежит. Это, конечно, вызывало большие осложнения с местными жителями. После таких походов с добычей (или без нее) уходили в лес, где поначалу было много грибов. Но грибы нужно было еще уметь приготовить. Разводили костришко, потом его сгребали и ложились кемарить на теплой земле. Располагались в лесу так, чтобы, когда была побудка в части, успеть прибежать на утреннюю поверку. И так мы там прожили примерно полтора месяца. Наконец, пришла наша очередь получать танки. Получили танки, погрузили их на платформы, получили НЗ, тут же его съели и поехали на фронт. В Москве на станции в Перово мы немного постояли, я даже успел позвонить соседям. После недолгого пути разгрузили нас в Поневежье. Оттуда перебрались мы в Резекне, где стоял штаб 131-й Гвардейской танковой бригады. Там нас «перешерстили»: тех, кто не был на фронте, отправили в резерв, а те, кто уже побывал на фронте, остались в танках. А дальше началось совершенно для меня непонятное – это непрерывная езда из Латвии в Литву и обратно. Так, бывало по три раза на день пересекали эту границу. По сравнению с Россией, жили там прилично, поэтому мы очень быстро отъелись и перестали быть голодными: нужны тебе молочные продукты – лезь в колодец, там будет фляга с молоком, или со сметаной; нужно тебе мясное – лезь на чердак: там окорок или копченое сало. Но в один прекрасный день нам зачитали приказ: войти в прорыв в районе города Лиелупе. И мы ушли с бригадой в немецкие тылы. Здесь поначалу жизнь была «фантастическая»: сидели мы в лесу, разведка была около шоссе, по-моему, шоссе Псков–Рига. Немцы все время отступали с российской территории. Когда разведка доносила, что появилась

колонна, то несколько наших танков выходили на исходную позицию и ждали, когда немецкая колонна полностью втянется на шоссе. Тогда били сначала по головным машинам, били по хвостовым машинам, били по середке. После этого немцы убегали в лес, а мы брали с машин самое необходимое, а потом гусеницами танков давили эти машины и сбрасывали их с шоссе в кювет – в общем, приводили в негодность, после чего уходили обратно в лес. Так как ничего на белом свете вечным не бывает, то немцы в конечном итоге засекли район, в котором мы действовали, и поставили засады. Ситуация осложнилась. Я теперь уже не помню названия населенных пунктов – слишком много времени с тех пор прошло, да и тогда я их не очень хорошо знал – много ли знает заряжающий в экипаже? Да и командир танка знает не намного больше. В конечном итоге мы попали на какую-то лесную дорогу, где и развернуться-то было очень сложно. И получилось так, что впереди перед нами было еще 4 танка. К концу этой лесной дороги наша колонна встала. А тут откуда ни возьмись вырвалась амфибия английская, на ней находился командир бригады, которого я близко смог рассмотреть. Это был человек с седой шевелюрой, хорошо постриженный, от него пахло духами, рядом с ним сидела какая-то дева, вся в офицерском обмундировании, правда с погонами рядового. И лицо у этого командира бригады было какое-то сине-красное, с синими прожилками, как у крепко пьющего человека. Он выскочил из амфибии, побежал вперед, и там начался ор, мат... Он требовал, чтобы мы двигались вперед, но там была немецкая батарея. Он хотел даже повести танк, но ему этого, конечно, не позволили. Колонна двинулась, но буквально через пять минут первый танк загорелся и остановился. Сунулся второй танк – та же самая история. А командир сел на свою амфибию и уехал... Мы потом всю ночь вытягивали эти танки в свое расположение. И здорово намаялись. Когда мы закончили эту работу, ребята полезли спать в танк, хотя спать там было совершенно негде, потому что машины были набиты снарядами. А я лег на надмоторную плиту – она теплая, укрылся плащ-палаткой, проспал какое-то время. Стало светло, ночь прошла. И вдруг откуда-то вылетела 37-миллиметровая мина и задела за ветку дерева, а осколок угодил мне прямо в правую стопу, пробив сапог. И еще одного парня из нашего экипажа ранило. Тут нашли где-то машину, и на ней нас отвезли в медсанбат. В это время там грузили раненых на автомашины, чтобы везти их на железную дорогу – там была узкоколейка. И я попросил положить меня вместе с моим напарником. Сначала мне пообещали, но потом прибыли откуда-то еще раненые. В итоге я попал на последнюю, четвертую машину. Поехали, хотя многие просили оставить их: «Отлежимся в санбате». Не разрешили, объясняя это ожидавшейся передислокацией. Повезли нас к узкоколейке, а не доезжая немножко шоссе, оказались мы перед отрядом «зеленых», и первые машины влетели прямо к ним в лапы. У нас шофер был достаточно опытный, поэтому он успел сдать назад, развернулся, и приехали мы обратно в часть. А там уже шел тяжелый бой. Видимо, откуда-то выскочили немецкие танки, потому что зенитчики, которые были с нами, уже били по танкам прямой наводкой. Появились новые раненые, и нам сказали, что с собой взять не могут. Опять мы поехали по той же дороге, только теперь нам дали в сопровождение танк. Но когда мы подъехали к развилке, мы уже не увидели ни раненых, ни наших машин – всех их «зеленые» куда-то угнали. Нас довели до узкоколейки, погрузили в «товарняк», оборудованный нарами, и мы поехали... Здесь я впал в забытие, а когда очнулся, то выяснилось, что нас разгружают в Даугавпилсе. Там в бывшем немецком госпитале был оборудован эвакогоспиталь, здесь же оперировали и приводили раненых немного в порядок. К вокзалу в Даугавпилсе подходили санитарные поезда, раненых грузили и отправляли в Россию. Хотя в госпитале в Даугавпилсе лежать было хорошо, попросил, чтобы меня отправили в Россию, ведь ничего человек с собой поделывать не может – дом тянет его к себе. Погрузили меня на санитарный поезд, который привез меня в Кинешму, в госпиталь, который располагался в трехэтажном здании бывшей гимназии (там была доска, что в ней учился Фурманов). Но дело в том, что к этому времени на мне образовалась короста, и был я такой не один. Медсестра повезла нас в Иваново, в

кожно-венерологический госпиталь. Там быстро определили, что это запущенная чесотка, и нас оставили в этом госпитале. Госпиталь был своеобразный: «чесоточники» – это «черная кость», а была там еще и «белая кость» – это в основном девицы, довольно смазливой вида, которые от своих командиров в награду получили всякого рода болезни... И с этой нашей запущенной чесоткой врачи довольно долго возились, и в конечном итоге где-то 20 апреля 1944 года меня выписали из госпиталя, и я опять попал в 10-й УТП. Там меня еще помнили, стали расспрашивать: где был, как воевал... Я попросил поскорее переправить меня в маршевый полк, потому что учиться мне ни к чему. На что мне ответили: «Нет, миленький, нечего тебе делать в маршевом полку, будешь теперь здесь преподавать топографию». Ну и стал я преподавать там топографию, как умел. Время шло, и где-то в ночь с 8 на 9 мая вдруг приходит ко мне ночью в землянку старшина и спрашивает: «Ты слышал?». Я говорю: «О чем?». А он говорит: «Сейчас по радио передали, что – победа!» Я не поверил... И произошло чудо. Ведь солдаты спят так, что их пушкой не разбудишь, а тут все услышали, соскочили с нар, как были, в подштанниках выбежали на улицу... Старшина у нас был домовитый, оружия в казармах у нас не было, поэтому нашим приходилось только кричать «Ура!». А на улице уже – где ракеты летают, где стрельба идет. В общем, шум, гам... Победа! И так продолжалось примерно с час. А потом люди как-то успокоились, пошли досыпать. А по плану у нас в этот день были назначены стрельбы, так что мне надо было с утра вести наряд на кухню, чтобы немного раньше покормить людей перед отправкой их на стрельбище. Пришли мы на кухню, а там все закрыто. Стали бить кулаками в дверь, наконец окно открылось, и повар говорит нам: «Ах вы, такие-растакие». А мы отвечаем: «А ты сам такой-растакой – закрылся тут и не знаешь, что победа! – «Да ну?!» – «Вот тебе и гну! Давай животу!» Он нам положил еду так, как обыкновенно накладывал. Мы ему: «Ты что? Победа, а ты нам даешь какие-то крохи». Ну, заставили его положить полные ведра и пошли обратно в расположение части. Позавтракали, посуду помыли. А дальше нет никакого распоряжения. Видимо решали: надо ехать на стрельбище или нет. Потом пришел приказ, что ехать на стрельбище не надо. Ну, в общем, получился выходной день. И вдруг – бах! – приходит сообщение, что на полигоне пятеро ребят из нашей роты подорвались на снаряде. Один убитый, остальных отправили в госпиталь. А было это 9-е мая... Вот такая насмешка судьбы.

Но после этого мне по комсомольской линии дали «строгача»: почему я не уследил за этими ребятами? А это было не мое дело, потому что я был дежурный по роте, за ними должны были следить командиры отделения, взводов, роты. Но это не помешало вклеить мне «строгача», потому что нужен был крайний, на ком нужно было отыграться. А там расклад был такой: эти – основные действующие лица – всю войну просидели в этом учебном полку, и для них было плохо получить такую запись, потому что они рассчитывали на награды. А я был для них чужим человеком, ну меня и «свалили»...

После этого служить в этом полку мне больше не хотелось. А я раньше прослышал, что формируется какое-то подразделение, которое поедет на Дальний Восток. И я подал рапорт, чтобы меня зачислили в это подразделение. Вместо этого меня отправили на медкомиссию в Горький. Прибыл я на эту медкомиссию. Там меня спрашивают: «Чего ты хочешь?». Я отвечаю: «Хочу ехать на войну с Японией, на Дальний Восток, мне здесь уже все надоело». – «Нет, да как же ты поедешь, ведь ты нестроевой». – «Ну здесь-то я хоть нестроевой, но воюю, ну и там так же, наверно, будет». – «Нет, тебе туда нельзя. Ну, коль тебе надоело, то давайте, товарищи, отправим его на пересылку, пусть он сменит обстановку». Таким образом в часть свою я не попал, а отправили меня на горьковскую пересылку, где делать тоже было нечего, так как там в основном требовались пожарники и сотрудники МВД. Мне говорят: «Давай отправляйся на московскую пересылку, там скорее тебе чего-нибудь подберут». Приехал я в Москву, и меня определили писарем в часть. Я работал там по заданию капитана (очень приятный такой человек, капитан Клягин). Ну, а когда вышел приказ, что нестроевых, стариков и раненых списать, я по первому приказу и был демобилизован. Но мне предложили еще поработать, так как на «гражданке» было

довольно голодно (а тут мы жили очень даже сытно). Но нетерпение сердца..., так устроен наверно человек. Я все-таки демобилизовался и попал, конечно, в тяжелейшее положение, но что делать... Вот на этом моя война и кончилась. Так что, как видите, никаких героических подвигов я, гвардии сержант Эммануил Зеликман, не совершал. Родина велела – и я делал то, что она велела.